

«ДЕНЬГИ И ТРУД ОПЛОДОТВОРЯТ САМЫЕ БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ»: ИЛЛЮЗИИ КАЗАЧЬИХ ПРОГРЕССИСТОВ 1860-х гг.

А.Ю. Перетяцько

Аннотация. В 1860-х гг. так называемые «прогрессисты» предполагали, что казачьи войска ждет небывалый расцвет. Для этого необходимо только провести либеральные реформы, приблизить казачьи регионы к обычным российским губерниям и обратить особое внимание на развитие гражданской жизни среди казаков. Прогрессисты не имели единой экономической программы, но их объединяло желание сформировать на территории казачьих войск особые группы населения, освобожденные от традиционной военной службы.

Большая часть прогрессистов считала, что подобная реформа будет иметь только позитивные последствия, поскольку вызовет экономический рост, благотворно влияющий на зажиточность отдельных казачьих хозяйств. Но частичная реализация прогрессистских предложений не привела к росту благосостояния среди казаков. Напротив, несколько десятилетий спустя как раз 1860-е гг. воспринимались как время утраченного казачьего благополучия. В статье проанализированы причины неудачи прогрессистских экономических реформ и иллюзорности связанных с ними надежд. Автор приходит к выводу, что прогрессисты не продумали механизма действия своих преобразований в конкретных условиях 1860-х гг., когда казачье большинство было не готово пользоваться теми возможностями, которые давали им эти преобразования.

Ключевые слова: экономические реформы, казачество, иногородние, прогрессисты, конскрипционная система, И.И. Краснов, Н.И. Краснов.

“MONEY AND LABOR WILL FERTILIZE THE MOST BARREN LAND”: THE ILLUSION OF COSSACK’S PROGRESSISTS IN 1860s

A.Yu. Peretyatko

Abstract. In 1860s the so-called “progressists” presumed that an unprecedented prosperity awaits Cossacks. For this it is required to pass liberal reforms, to bring Cossack regions closer in their status to common Russian governorate, and pay special attention to development of civil life among Cossacks. Progressists did not have a single economic program, but they were united by common interest to form special population groups on the Cossacks territory, which would be free from the traditional military service.

The majority of progressists thought that such reforms would only have benefits, they will encourage economic growth for having positive impact on prosperity of individual Cossack households. But partial realization of progressist’s proposals did not cause the wealth growth for Cossack households. On the contrary, several decades later 1860s were viewed as the time of forfeited Cossack well-being. In this article the reasons of progressist’s economic reforms failure are being analyzed, and the illusiveness of hopes related to them. Author comes to a conclusion that progressists did not think over the action mechanism of their reforms in the specific conditions of 1860s, when the Cossack majority was not ready to enjoy the possibilities granted by such reforms.

Keywords: economic reforms, Cossacks, inogorodnie, progressists, konskriptsionny system, I.I. Krasnov, N.I. Krasnov.

В XX в. казахи войска вступали с серьезным грузом нерешенных проблем. В современной научной литературе можно встретить высказывания о том, что к этому времени «донское казачество как военно-служилое сословие себя изжило» [Корниенко, 2013, с. 28] или что Кубанское казачье войско как административная единица, военный и хозяйственный организм исчерпало себя уже в последней трети XIX в. [Малукало, 2003]. Между тем в 1860-е гг., когда все сферы российской действительности стремительно менялись под действием либеральных реформ, часть казаков, так называемые «прогрессисты», смотрели в будущее с оптимизмом. Они полагали, что казахи регионы ждет расцвет после того, как правительство озабочится развитием в них экономики и гражданских институтов, а архаичные пережитки прежних эпох отойдут в прошлое.

Дискуссия прогрессистов и их противников, «казакоманов», неоднократно привлекала внимание исследователей, в том числе и в последнее время [Volvenko, 2015, р. 94–107]. Однако их тексты изучались главным образом с точки зрения ранней истории казачьего национализма. Экономическая составляющая прогрессистских теорий до сих пор остается почти не проанализированной. В своей статье мы постараемся заполнить этот пробел в отечественной историографии, показав, почему частичная реализация Военным Министерством прогрессистских программ не только не оправдала надежд их создателей, но и косвенно способствовала кризису казачьих войск в начале XX в.

Основой для нашего исследования будут работы самих прогрессистов и материалы, характеризующие те или иные стороны экономического развития казачьих регионов во второй половине XIX в. Используя историко-сравнительный метод при сопоставлении этих текстов, мы покажем, как соотносились надежды прогрессистов и реальные последствия предложенных ими реформ. При помощи историко-системного метода мы попытаемся выявить те причины, по которым прогрессистские преобразования в целом постигла неудача. При этом особенно тщательное внимание мы уделим Донскому войску, как самому крупному и значимому для правительственной политики.

Когда пройдет несколько десятилетий, в отечественной литературе о казачестве возобладает мнение, что 1860-е гг. были эпохой экономического благополучия, временем процветания казачьих хозяйств. В официальном «Столетии Военного Министерства» для описания этого времени в Донском войске используются следующие образы, восходящие к документам Военного Совета: «благосостояние станиц находится на степени более чем удовлетворительной», «казак живет зажиточно», «нужды в станице не замечается и нищенство не существует» [Столетие Военного Министерства, 1911, с. 77]. Однако обратившись к трудам некоторых современников, мы увидим не просто иную, но совершенно противоположную картину. Читая авторов прогрессистского лагеря, трудно не прийти к мысли, что положение дел в казачьих войсках в это десятилетие было поистине катастрофическим. Например, Н.И. Краснов, авторитетный статистик, вскоре ставший начальником межевого и статистического отделения Главного Управления Иррегулярных Войск,

писал, что «земли, населенные казаками (*речь идет о всех казачьих войсках.* – А.П.), несмотря на благоприятные свои угодья, заключающиеся в судоходных и обильных рыбою водах, при неисчерпаемых минеральных богатствах и плодородии почвы, едва прокармливают казачье население» [РГВИА, ф. 330, оп. 10, д. 290, л. 116–117]. Его отец, известный казачий генерал И.И. Краснов, жаловался на неразвитость торговли на Дону, почти полное отсутствие фабрик и заводов, а также «младенчество», в котором пребывало сельское хозяйство [Краснов, 1862, с. 349–350]. Некто Й., характеризуя положение дел в Оренбургском войске, был лаконичнее и еще пессимистичнее: по его мнению, в этом регионе были «в промышленном отношении парализованы силы народа» [Оренбургский казак, 1862, с. 104].

Книги и статьи прогрессистов настолько резко расходились с наблюдениями людей, видевших вполне благополучные казачьи хозяйства, что их авторов неоднократно обвиняли если не в прямой лжи, то в незнании местных реалий. Подобная точка зрения была характерна как для некоторых современников, так и для части грядущих исследователей: например, Е.П. Савельев полностью солидаризировался с известной запиской князя А.М. Дондукова-Корсакова, в которой пропаганда прогрессистских идей приписывалась главным образом высшей казачьей элите, жившей в Санкт-Петербурге и потерявшей связь с малой родиной [Савельев, 1917, с. 41–42].

Однако нетрудно заметить, что в прогрессистских текстах основное внимание обычно уделялось не зажиточности отдельных хозяйств, но общей экономической ситуации в казачьих регионах. Н.И. Краснов в своей важнейшей работе, в посвященном Земле Войска Донского томе «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», не апеллировал к мифической казачьей бедности, но обращал внимание читателей на то, что природные ресурсы донского края на начало 1860-х гг. оставались не разработанными по причинам, неразрывно связанным с традиционной казачьей службой (из-за недостатка рабочей силы и отсутствия капиталов) [Краснов, 1863, с. 231–232]. И.И. Краснов в программной для донских прогрессистов статье «О народности в Донском войске» уделил экономике всего абзац, и большую его часть описывал системные проблемы ее развития, только ближе к концу упомянув бедность местных хозяев [Краснов, 1862, с. 349–350]. А существование серьезных экономических проблем не отрицалось даже сторонниками мнения о казачьем благополучии: так, в документе, который цитируется в «Столетии Военного Министерства», было отмечено и то, что благосостояние казаков существует не благодаря, а вопреки «настоящему экономическому развитию станиц, хозяйство коих ведется, в большинстве случаев, нерационально и крайне небрежно» [Столетие Военного Министерства, 1911, с. 77].

И прогрессисты, среди которых не было профессиональных экономистов, попали, на наш взгляд, в своеобразную логическую ловушку. Руководствуясь здравым смыслом, а не специальными знаниями, они предполагали, что ускорение экономического развития казачьих войск априори отвечает интересам казачества и будет выгодно как экономике региона, так и отдельным хозяйствам. Если учесть подобный контекст, то становится понятным, что многие из них в своих текстах имели

в виду не абсолютную, но относительную бедность казаков по сравнению с той картиной, которая рисовалась им в грядущем. А будущее, в том случае, если правительство приложит должные усилия к развитию экономики казачьих регионов, виделось им самым идиллическим. Например, известный прогрессист М.И. Краснов писал: «У нас мало денег и рук, чтобы разработать свои богатства. С допущением иногородних с их деньгами этот порядок изменится. Деньги и труд оплодотворят самые бесплодные земли. На Дону явятся свои машины и фабрики. Казаки купят дешево, что им нужно, и с выгодами станут торговать такими произведениями своей земли, которые теперь не имеют сбыта». Уже его современники иронизировали над подобной «благоговейной уверенностью в готовности (иногородних. – А.П.) раздавать деньги, кому сколько надо, и на уплату помещичьих долгов, и на заведение в расстроенных поместьях разных хозяйственных машин и улучшенных земледельческих орудий» [Volvenko, 2015, p. 103–104]. Но схожие образы казаков, обретших богатство после радикальных реформ, можно найти и у других авторов. Н.И. Краснов предполагал, что в случае полной демилитаризации казачьих войск представители их населения «употребили бы свой труд и капиталы на промышленность, улучшили бы свое материальное благосостояние, а значит, и прибавили бы новые силы к производительным силам государства» [РГВИА, ф. 330, оп. 10, д. 290, л. 123].

Мы проанализируем самые распространенные экономические предложения прогрессистов чуть ниже, а пока укажем на то, что после 1860-х гг. процессы ускорения экономического развития региона и обеднения казачьих хозяйств на Дону шли параллельно, ничуть не мешая друг другу: к началу XX в. Область Войска Донского вышла на 3-е место в России по вывозу хлеба [Корниенко, 2013, с. 29], но при этом местные власти констатировали «упадок хозяйственного благосостояния казаков», с чем вполне согласны современные исследователи [Тикиджьян, 2013, с. 103]. Таким образом, надежда на то, что экономическое развитие казачьих войск само по себе приведет к процветанию большинства хозяйств, представляла собой не более чем иллюзию.

Хотя прогрессисты расходились в деталях и не имели общей экономической программы, их объединяло представление о том, что для эффективного развития казачьих регионов необходимо сформировать на их территории особые категории населения, которые занимались бы исключительно мирным хозяйствованием. Для Дона подобный вариант развития был предложен еще в 1859 г. А.Д. Крыловым [Коршиков, 1995, с. 33–52]. Мы приведем цитату из рукописи Н.И. Краснова, сумевшего в общем виде сформулировать общую для прогрессистов идею: «поголовная воинская повинность известного населения препятствует ему развивать сельскую и городскую промышленность, употреблять свои капиталы на торговые предприятия, и вообще идти по пути гражданственности» [РГВИА, ф. 330, оп. 10, д. 290, л. 122].

Самым простым и безболезненным вариантом решения данной проблемы многим казалось освобождение части казаков от службы. В 1860-е гг. для казачьих войск была разработана так называемая конскрипционная система, в рамках которой

общая численность выставляемых казаками контингентов ограничивалась фиксированной цифрой, а оставшиеся за штатом навсегда освобождались от воинской повинности, сохраняя большую часть сословных привилегий, но облагаясь за то особым налогом. Несмотря на всю свою нетрадиционность, эта система нашла поддержку далеко не только у отдельных общественных деятелей и публицистов: в 1862 г. о ее претворении в жизнь в местном казачьем войске ходатайствовал Оренбургский комитет по пересмотру войскового положения [Волвенко, 2016, с. 70]. Поддерживало ее и Военное Министерство: в созданных в начале 1860-х гг. «Соображениях о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» прямым текстом было написано, что «развитие в казачьих населенных гражданственности и материального благосостояния не столько зависит от уничтожения замкнутости их положения, сколько от образования в самих войсках свободных от обязательной службы сословий. <...> Вывести казачьи населения из такого ложного положения возможно только ограничением численности военного сословия определенной нормой, с тем чтобы избыток казачьего населения был освобожден от обязательной службы и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям. Тогда и в казачьих населенных образовались бы кроме военного и другие сословия, существующие во всяком благоустроенном обществе» [Волвенко, 2016, с. 69].

Эти ожидания вполне разделял и И.И. Краснов, связывавший грядущее процветание Донского войска именно с освобождением от службы части казаков. Однако донской генерал также признавал, что «для избрания какой-либо специальной дороги нужно иметь к ней предварительные приготовления, на что требуются средства и время», на этом основании констатировал: «желающих исключиться из казачьего сословия войска Донского, по всем вероятностям, много не окажется» [Краснов, 1862, с. 351]. По свидетельству Н.И. Краснова, даже имея перед глазами наглядные примеры процветающих хозяйств и возможность достичь их технологического и агрономического уровня, донские казаки не торопились что-либо менять. Статистик жаловался, что в станице Луганской, где была возможность легко закупать сельскохозяйственную технику на соседнем Луганском сталелитейном заводе, он не увидел ни одного «усовершенствованного орудия для земледелия». Н.И. Краснов полагал, что изменить ситуацию сможет только специальное обучение казаков агрономии, приучение их к мысли о необходимости использования современных методов сельского хозяйства [Краснов, 1863, с. 250]. Впрочем, далеко не факт, что подобное образование оказалось бы востребовано: офицер Главного Управления Иррегулярных Войск также отмечал, что представители казачества вообще брезгают земледелием, предпочитая при любой возможности отказываться от него в пользу более легких промыслов [Краснов, 1863, с. 248]. Таким образом, подавляющее большинство оставшихся за штатом и освобожденных от службы казаков в случае реализации конскрипционной системы на Дону составили бы обычные сельские жители, которые к тому же в основной массе вполне удовлетворялись текущим, вполне благополучным состоянием своих хозяйств. Каким образом подобная реформа принципиально ускорила бы решение проблем донской

экономики, остается загадкой, ответа на которую в своем тексте не дали ни И.И. Краснов, ни авторы «Соображений о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках».

Необоснованность их надежд стала окончательно ясна, когда на рубеже 1860–1870-х гг. конскрипционная система была внедрена в большинстве казачьих войск: в Оренбургском, Кубанском, Терском, Сибирском, Забайкальском и Астраханском. В Оренбургском войске, где при учете поддержки снизу шансов на успех было больше всего, численность войскового населения при определении постоянного контингента была завышена, и не только не оказалось излишка над штатной численностью всех полков и батарей, но и просто полностью укомплектовать их не представлялось возможным [Столетие Военного Министерства, 1907, с. 355]. В других казачьих войсках преобразования просто не возымели серьезного эффекта. Например, в недавно вышедшей коллективной монографии по истории Кубанского войска о данной реформе упоминается только в связи с изменением системы названий и нумерации полков [История кубанского казачества, 2013, с. 129–130]. О формировании класса так называемых неслужилых казаков нет упоминаний ни в связи с отбытием воинской повинности, ни в связи с экономическим развитием края. В итоге уже к середине десятилетия в реформированных казачьих войсках начался возврат к традиционной системе службы [Столетие Военного Министерства, 1907, с. 113–114].

Реформа показала и то, что ни прогрессисты, ни разделяющие их взгляды военные чиновники не смогли заранее просчитать некоторых важных последствий применения своих идей на практике. По свидетельству М.П. Хорошхина, введение конскрипционной системы привело к тому, что попавшие в служилый разряд казаки стали чаще наряжаться на действительную службу, чем раньше, когда воинская повинность была поголовной. В результате какое-то количество казаков получило возможность спокойно заниматься хозяйством, но для большей их части военные обязанности стали даже тяжелее. М.П. Хорошхин считал, что эффективной подобная реформа была бы только в одном случае: если бы, как в Уральском войске, служившем по уникальной системе, зачисление в служилый и неслужилый разряд зависело не от слепого жребия, а от желания самих казаков [Хорошхин, 1873, с. 143].

Но в еще большей степени неспособность оценить негативные последствия предлагаемых реформ прогрессисты проявили, рекомендуя открыть свободный доступ иногородним в казачьи войска. Некоторые из них, подобно М.И. Краснову, считали, что такое решение приведет только к положительным эффектам. Более дальновидные авторы догадывались, что это будет не так, однако всё равно призывали не относиться слишком серьезно к предсказанным ими же невыгодным для казачества результатам преобразований. Ярчайшим примером такой логической ошибки можно считать рассуждения Н.И. Краснова в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба». Донской автор понимал, что приток иногородних на Дон, помимо прочих результатов, неизбежно вызовет рост населения, а введение частной собственности на землю позволит лицам невойскового сословия покупать прежде казачьи участки. Но, по его мнению,

процесс обезземеливания не должен был сказаться на богатстве казаков, которые все равно сохранили бы достаточные наделы, получив взамен развитие промышленности и образования, а также возможность пользоваться всеми ресурсами донского края. По мнению Н.И. Краснова, население Земли Войска Донского можно было бы увеличить в 5 раз, оставив на мужскую душу в среднем 2 десятины земли, «без всякого отягощения» [Краснов, 1863, с. 231–232]!

В данном случае общая идея прогрессистов действительно оказалась полезна для развития местной экономики: свободный доступ иногородних на Дон способствовал росту общего количества рабочих рук, причем пришлые крестьяне отличались трудолюбием и умением [Peretyatko, 2015, p. 266]. Однако и прогрессисты, и Военное Министерство связывали с реформой совершенно иные надежды и были далеко не удовлетворены ее результатом. Прежде всего, изначально предполагалось, что допуск в казачьи войска иногородних вызовет не экстенсивный, а интенсивный рост экономики: ставилась задача обеспечить ускоренное развитие не столько сельского хозяйства, сколько торговли и промышленности, путем привлечения в станицы неких «торговопромышленников». На практике, однако, подавляющее большинство иногородних составляли лица, ищущие сельскохозяйственных заработков, кустари и мелкие торговцы [Столетие Военного Министерства, 1911, с. 88–91]. Таким образом, надежды на то, что открытие казачьих войск для лиц других сословий само по себе будет способствовать быстрому развитию промышленности, не оправдались. Долгосрочные последствия реформы оказались еще печальнее и в очередной раз продемонстрировали иллюзорность надежд прогрессистов: по мере роста населения в казачьих регионах и уменьшения количества свободных участков арендные цены на землю возрастали, и некоторые казачьи хозяйства стали получать основную прибыль с передачи в аренду части паевых земель, а не от собственной хозяйственной деятельности. Доходило до того, что казаки вообще бросали работать на своем наделе, предпочитая жить за счет арендной платы. В итоге подобные хозяева «предавались праздности» и тратили деньги «самым непроизводительным способом», теряя навык к труду. В конечном счете легкие доходы парадоксальным образом вели к обеднению, а то и разорению казачьих хозяйств [Столетие Военного Министерства, 1911, с. 91]! В полном соответствии с приведенным выше наблюдением Н.И. Краснова, донцы предпочитали потенциальному богатству от земледелия менее доходные, но легкие способы заработка. И такая ситуация наблюдалась не только в Донском войске. Вот что писал Ф.Н. Усов, характеризуя сибирских казаков: «Все почти отзываются о бездельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. <...> Досужесть казака особенно кидается в глаза, если сравните его с крестьянином, который, как известно, круглый год переходит от одной работы к другой. Казак, напротив, получив хороший урожай хлеба, отстает от рыбного промысла; если ему удастся получить порядочный барыш от продажи скота, покидает пашню. При первой возможности всякая полевая работа, требующая мужской силы, взваливается на киргиз, нанимающихся в работники за ничтожную плату» [Статистическое описание сибирского казачьего войска, 1879].

Нам бы хотелось привести две цитаты, принадлежащие критикам прогрессивистов. В 1862 г. автор рецензии на статью Й., скрывающийся под псевдонимом «Оренбургский казак», писал: «Как ни похвально стремление к усовершенствованиям вообще, но для достижения верных и благоприятных результатов в деле благоустройства здесь (в *Оренбургском войске*. – А.П.), как и везде, должен быть выполнен закон последовательности» [Оренбургский казак, 1862, с. 103]. И действительно, прогрессистам не хватало именно последовательности: пропагандируемые ими реформы предполагали желание казаков заниматься развитием своих хозяйств и производительных сил региона в целом. Поскольку данное условие не было выполнено, проведенные преобразования либо вовсе не приводили к ожидаемому росту экономики, либо параллельно порождали негативные эффекты для казачества. Одновременно с их проведением следовало как-то мотивировать казаков «избирать специальную дорогу», по выражению И.И. Краснова, в качестве остро необходимых Дону торговцев, промышленников, представителей интеллигенции или хотя бы земледельцев, использующих современные аграрные технологии.

А до тех пор, пока эта цель не была выполнена, сохранял актуальность следующий текст Х.И. Попова: «Словам заманчивым, что лучше было бы, если сложили бы с себя звание казака, не верим. Так как на деле видим другое; в Российских губерниях есть богатые губернские и частью уездные города, есть фабрики и разные заводы, процветает промышленность и торговля, но процветает только в некоторых исключительных пунктах и богатыми дарами изобилия пользуются немногие счастливые; а в каком состоянии находится большинство и особенно общее население крестьян?» [Х.П., 1863]. Прогрессисты предлагали именно приблизить казачьи регионы к обычным российским губерниям, дать простым казакам пользоваться теми возможностями гражданской жизни, которые были для них закрыты, отказавшись за это от той или иной части набора традиционных казачьих привилегий. Но большинство казаков вполне устраивало исторически сложившееся положение, а образ остальной России, где крестьянское большинство жило беднее станичников, имел в их глазах отрицательную привлекательность. Абстрактные перспективы обретения более доходной гражданской профессии не волновали их вовсе, а возможность потерять часть земли и текущий уровень благополучия в случае ликвидации казачьего сословия пугала.

Остается констатировать, что экономические надежды прогрессистов 1860-х гг. оказались одной огромной иллюзией, хотя реализация части мер, предлагаемых представителями этой «партии», позволила обеспечить ускоренный, по сравнению с предыдущим периодом, экономический рост казачьих территорий. Однако попытка опереться в его достижении на казаков, связанная с конскрипционной системой службы, провалилась. Допуск же на войсковые территории иногородних привел совсем не к тем результатам, которые ожидалось: началось не быстрое развитие промышленности и торговли, но простое наращивание количества рабочих рук в сельском хозяйстве. Экстенсивный рост экономики вел не к обогащению, но к обеднению казаков, и только отдалял прогрессистов от той цели, которую они

преследовали. Исчезали свободные войсковые и станичные участки, что создавало проблему малоземелья, а капиталы, полученные в какой-то момент от аренды паев, большая часть хозяев использовала нерационально, «предавшись праздности» за их счет. И уже через несколько десятилетий 1860-е гг. вспоминались как благополучное и богатое время, а тексты, утверждавшие, что казаки тогда «едва могли прокормить себя», остались в прошлом, вместе с иллюзиями, будто для решения экономических проблем казачества достаточно сформировать в казачьих регионах «кроме военного, и другие сословия, существующие во всяком благоустроенном обществе», местного или иногороднего происхождения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Волвенко А.А.* Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-е гг.) // *PRIMO ASPECTU*. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
- История кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.
- Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
- Коршиков Н.С.* Своевременные советы из прошлого (вступит. статья к «Очерку современного состояния Земли войска Донского» Крылова) // *Дон*. 1995. № 1. С. 33–52.
- Краснов И.И.* О народности в Донском войске // *Военный сборник*. 1862. № 4. С. 343–356.
- Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Типография департамента Генерального Штаба, 1863. 596 с.
- Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубанькино, 2003. 216 с.
- Оренбургский казак.* Правда об Оренбургском казачьем войске // *Военный сборник*. 1862. № 9. С. 103–122.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 10. Д. 290.
- Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем: Историко-статистический очерк. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 79 с.
- Статистическое описание сибирского казачьего войска // *Русский инвалид*. 1879. № 229. С. 3–4.
- Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1907. 695 с.
- Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1911. 462 с.

Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 228 с.

Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // *Донские войсковые ведомости*. 1863. № 20. С. 2–3.

Хорошхин М.Н. Порядок отбывания военной повинности казаками // *Военный сборник*. 1873. № 3. С. 121–152.

Peretyatko A.Yu. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the background of division of the Donetsk and Taganrog Districts between the RSFSR and the UkSSR // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 16. Is. 4. P. 258–282.

Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107.

REFERENCES

Volvenko A.A. Konceptcija vojskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [Concept of the army (nesluzhilogo) citizen: plan and practice (the 1860–1870)], in: *PRIMO ASPECTU*. 2016. № 4 (28). P. 68–71 (in Russian).

Istorija kubanskogo kazachestva [History of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Tradition, 2013. 416 p. (in Russian).

Korniyenko B.S. *Pravyy Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914)* [Right Don Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2013. 232 p. (in Russian).

Korshikov N.S. Svoevremennye sovery iz proshlogo (vstupit. stat'ja k "Ocherku sovremennogo sostojanija Zemli vojska Donskogo" Krylova) [In good time advice from the past (enters article to the "Essay on the present state of the Don Host Oblast" of Krylov)], in: *Don*. 1995. № 1. P. 33–52 (in Russian).

Krasnov I.I. O narodnosti v voyske Donskom [About the national issue in the Don Host], in: *Voennyi sbornik*. 1862. № 4. P. 343–356 (in Russian).

Krasnov N.I. *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo* [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. St. Petersburg: Typography of Department of the General Staff, 1863. 596 p. (in Russian).

Malukalo A.N. *Kubanskoe kazach'e vojsko v 1860–1914 gg.: organizacija, sistema upravlenija i funkcionirovanija, social'no-jekonomicheskij status* [The Kuban Cossacks in the 1860–1914: organization, system of management and functioning, socio-economic status]. Krasnodar: Kubankino, 2003. 216 p (in Russian).

Orenburgskij kazak. Pravda ob Orenburgskom kazach'em voyske [The truth about Orenburg Cossacks], in: *Voennyi sbornik*. 1862. № 9. P. 103–122 (in Russian).

Russian state military and historical archive (RGVIA). F. 330. Inv. 10. D. 290.

Saveljev E.P. *Krestjanskij vopros na Donu v svjazi s kasachjim. Istoriko-statisticheskij ocherk* [The peasant question on the Don in connection with the Cossack: Historical and statistical sketch]. Novocherkassk: Printing house of Don Diocese, 1917. 79 p. (in Russian).

Statisticheskoe opisanie sibirskogo kazach'ego vojska [Statisticheskoe opisanie sibirskogo kazach'ego vojska], in: *Russky invalid*. 1879. № 229. P. 3–4 (in Russian).

Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. Vol. 11. Ch. 3. St. Petersburg: Typ. M.O. Volf, 1907. P. 695 (in Russian).

Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. Vol. 11. Ch. 4. St. Petersburg: Typ. M.O. Volf, 1911. P. 462 (in Russian).

Tikidzh'jan R.G. *Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret* [Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 228 p. (in Russian).

H.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennyh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors], in: *Donskie vojskovye vedomosti*. 1863. № 20. P. 2–3 (in Russian).

Horoshhin M.N. Porjadok otbyvanija voennoj povinnosti kazakami [The method of serving military service by Cossacks], in: *Voennyi sbornik*. 1873. № 3. P. 121–152 (in Russian).

Peretyatko A.Yu. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the background of division of the Donetsk and Taganrog Districts between the RSFSR and the UkSSR, in: *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 16. Is. 4. P. 258–282 (in Russian).

Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part II, in: *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107 (in Russian).